

УДК 94(47).072.5

**НИЖЕГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ В 1812-1814 гг.
В МЕМУАРАХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ВЕЛИКОЙ АРМИИ**

© 2019 А.И. Попов^{1,2}, С.Н. Хомченко³

¹ Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара,

² Самарский государственный социально-педагогический университет,

³ Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, д. Бородино

Статья поступила в редакцию 26.11.2019

В статье на основе анализа архивных и мемуарных источников реконструировано реальное положение военнопленных наполеоновской армии в Нижегородской губернии, отношение местного населения к военнопленным.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Нижегородская губерния мемуары, законодательство о военнопленных, военнопленные, местные органы власти, местное население.

О военнопленных наполеоновской армии в Нижегородской губернии в 1812-1814 гг. один из соавторов уже писал в одной из своих работ¹. Однако с тех пор заметно расширился список известных нам европейских мемуаристов, оставивших свои воспоминания об этой поволжской губернии, поэтому мы решили вновь вернуться к данному сюжету и подробнее рассказать о впечатлениях, полученных французскими, немецкими (из разных государств), польскими военнопленными во время их пребывания здесь и общения с представителями различных народов и слоев российского общества.

Пребывание мемуаристов на территории Нижегородской губернии было различно по продолжительности. В начале ноября

Попов Андрей Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН, профессор кафедры всеобщей истории Самарского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: buonaparte9@yandex.ru

Хомченко Сергей Назарович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

E-mail: sergey-1812@mail.ru

1812 г. проездом из Москвы и Владимира в Казань через Нижний Новгород был этапирован капитан французского 12-го конноегерского полка Тома Жозеф Обри. В конце осени – начале зимы того же года через губернию проследовали саксонский подданный, хирург 1-го класса польского 10-го гусарского полка Самуил Пешке и унтерлейтенант вестфальского 2-го гусарского полка Эдуард Рюппель.

В июне 1813 г. по пути домой здесь проезжал шеф эскадрона французского 9-го шеволежерского полка ганноверец Карл Шенк фон Винтерштедт. В июле-августе тут проследовал его земляк и однополчанин лейтенант граф Карл фон Ведель. Примерно в августе через губернию проходил канонир 1-й пешей батареи вестфальского артиллерийского полка Хайнрих Веземанн. Су-лейтенант французского 36-го линейного полка Оноре де Белэ пробыл в Нижнем Новгороде 6 дней в октябре 1813 г. В ноябре здесь останавливался французский хирург из 34-й пехотной дивизии Дезире Фюзейе, он же возвращался в июле 1814 г. после освобождения. В декабре 1813 г., также по пути домой, через Нижегородскую

губернию проезжал капрал баварского 5-го шеволежерского полка А. Бютнер. Французский капитан Александр де Шерон, адъютант генерала де Лауссэ, прибыл сюда в августе 1813 г. и проживал в уездных городах Арзамасе и Семенове до своего освобождения в июне 1814 г.²

Пожалуй, самая большая часть мемуаров посвящена описаниям российских городов и селений, нравов и обычаев жителей, их одежды, пищи и т.д., что дает богатый материал для краеведческих исследований.

Практически на всех европейцев произвел впечатление Нижний Новгород. Пешке сообщил, что, подойдя к Оке, они приняли ее за Волгу, так широко она разлилась по правому берегу. Нижний Новгород лежал на противоположном высоком берегу Оки, которая еще не замерзла, и пленным должны были перевезти туда на большой лодке. Судно это на линии перевоза было закреплено тросами от берега до берега, и переправа прошла достаточно быстро. Дома в городе показались мемуаристу построенными в старосветском стиле, как готическом, подобно встречаемым во многих старых немецких городах, так и в старо-татарском. С юга город опоясывала стена с бойницами и башнями.

Понравились поляку и красивые окрестности города. Вокруг было множество холмов, пересекающих небольшие долины, всюду были видны пространства, заросшие можжевельником. Множество речек орошали окраины города. Леса росли исключительно березовые, только кое-где видны были кривые и маленькие ели. В лесах водилось множество волков и медведей, а также ворон, воронов и галок. Ночами отовсюду долетал вой волков, днем же тучи птиц каркали, летая над путниками.

Шенк фон Винтерштедт описал Нижний Новгород как большой, широко раскинувшийся, но плохо распланированный город. Близость Волги поддерживала здесь оживленную торговлю. Однако сомнения вызывают его слова, что от старой крепости осталось лишь несколько руин, а единствен-

ными значительными зданиями в городе является пара церквей.

Ведель прибыл к Нижнему Новгороду вечером 23 июля 1813 г., но не смог переправиться через очень широкую Оку из-за отсутствия лодок и остался на ночлег в предместье. Переправились на лодках на следующий день. Город, обычно называемый просто Нижний, ганноверец описал как живописный, расположенный при слиянии Оки и Волги на возвышенном мысу и окруженный высокими кирпичными стенами с башнями. Вокруг крепости раскинулись предместья, спускающиеся террасами по склону холма. Главная улица прямой линией пересекала предместье и город, по обеим ее сторонам располагались аркады с различными богатыми лавками. Сверху открывалась прекрасная панорама на Оку и Волгу и на заречные равнинные дали. Торговля здесь была весьма значительна, что было видно по множеству бороздящих реки судов. На рынке пленным предлагали клубнику, а в садах они видели усыпанные красными плодами яблони.

Шерон в Нижнем Новгороде проездом был дважды – два дня в сентябре 1813 г. и две недели в июне-июле 1814 г. Волга, которую здесь французы пересекли на корабле, от трех до пяти верст шириной. Нижний Новгород производил такое впечатление, что другого города, лучше расположенного для торговли, нельзя было себе и представить. Он находится частично на вершине горы, частично на склонах и в оврагах, окаймленный с одной стороны Окой, которая впадает в Волгу у самого города. Огромное количество судов, покрывавших обе реки, придавало городу еще более оживленный вид. Через 10 месяцев обратная переправа через величественную Волгу заняла у французов полтора часа. Хотя вода и казалась спокойной, течение было быстрым, и противоположный берег, казалось, не приближался, к середине реки гребцы уже очень устали. Сам город, по словам Шерона, не имел ничего регулярного: красивые дома соседствовали с лачугами, сады – с

огромными площадями и большим количеством церквей. Главная улица под названием Дворянская, широкая, светлая, с красивыми, довольно регулярно построенными домами. Однако пешеходы несчастливы в этом городе – из-за холмистой местности они не прекращают подниматься и спускаться по очень длинным улицам. Французы проводили здесь время в прогулках по очаровательным окрестностям и по городу и с удовольствием купались попеременно в Волге и Оке. Русские уверяли, что Нижний Новгород своим положением обязан стать и будет столицей России или по крайней мере вторым городом империи.

Белэ также называл Нижний Новгород большим и прекрасным городом. Все здесь было грандиозно: широкая река, длинные набережные, большой Кремль, внушительный массив собора, который был виден отовсюду и возвышался над городом, как настоящая гора. Вдоль набережных располагались гостиницы, из которых открывался прекрасный вид; выше, на холмах, в зелени деревьев вздымались колокольни, купола многочисленных церквей и каменная крепостная стена. «Какое прекрасное и познавательное путешествие мы совершили за счет царя!» – резюмировал француз свое пребывание здесь.

А вот на другого француза, Фюзейе, проезжавшего здесь спустя месяц, город большого впечатления не произвел. В его описании Нижний Новгород делился на две части: нижняя, более старая, разместилась у подножия холма, другая – на его вершине. Хотя это и торговый город, красотой он не отличался. Переплывая Оку на лодке, пленные видели базары – не столь богатые, как в прочих губернских городах. В верхнюю часть города можно подняться по дороге, крытой деревянным настилом, но для этого необходимо было пройти через Кремль с двумя воротами, окруженный довольно высокой, хотя и нетолстой стеной. Взор здесь привлекал большой дворец, сильно пострадавший от пожара, как и примыкающая к нему церковь. Поблизости располагались особняк

губернатора и казначейство. Над Кремлем, еще выше, были видны базары, особняк вице-губернатора, несколько красивых домов, по большей части деревянных, и театр.

Партия освобожденных из плена барварцев, среди которых находился Бюттнер, прибыла в Нижний Новгород в декабре и расположилась в пригороде за замерзшей Окой. Самого города капрал не описал, но хорошо запомнил, какой сильный мороз тогда стоял. Когда на следующий день старший в партии майор Бибер, взяв с собой Бюттнера, отправился в город, через несколько шагов тот заметил, что лицо майора с одной стороны стало совсем белым и замерзшим. Против этого у немцев имелось единственное, хотя и малоприятное средство, которому они научились у русских, – натирать отмороженное место снегом, пока оно снова не отогреется. Закаленные климатом русские, идя по улице и видя у встречного белые щеки, нос или уши, кричали друг другу: «wot birloi sermirs!», на что нужно было набрать полную горсть снега и растереть им лицо. Придя на рынок, майор купил себе и другим офицерам в дорогу меховые сапоги, а солдатам, у которых не хватало денег, шерстяные чулки и валенки³.

Из других населенных пунктов губернии чаще всего упоминается Макарьев, хотя большинство пленных его не проходили. Славу этому месту принесла ярмарка, привлекающая покупателей и купцов из разных частей света. Пешке назвал Макарьев русским Лейпцигом, хотя и удивлялся невзрачному виду этого городка. Но, возможно, поляк принял за Макарьев какой-то другой населенный пункт, т.к. Макарьев находится почти в 80 верстах к востоку от Нижнего Новгорода, в стороне от дороги, по которой мемуарист отправился дальше в Пензу.

Рюппель сообщил, что в Макарьеве проходит самая большая и знаменитая во всей России ярмарка. Там сосредоточены огромные богатства; караваны из Индии, Персии, Китая и Бухары шесть недель стоят здесь лагерем и перепродают свои прекрасные товары польским и немецким купцам.

Веделъ на дороге из Нижнего Новгорода в Пензу также встречал много ехавших на Макарьевскую ярмарку армянских и азиатских купцов, которые обращали на себя внимание своими экзотическими костюмами и средствами передвижения.

Белз посетовал, что находится здесь уже после окончания большой ежегодной ярмарки и не может насладиться великолепным зрелищем, на котором «весь Восток встречается с нашей старушкой-Европой».

И лишь Фюзейе посчастливилось своими глазами увидеть Макарьевскую ярмарку в конце июля 1814 г. Дорога, ведущая к ней, была запружена возами, стекавшимися сюда со всех сторон. А на Волге было темно от лодок, подплывающих с севера и с юга. Ярмарочные балаганы, сбитые из досок, были по большей части окрашены в яркие цвета. Они образовывали несколько улиц. Среди купцов встречалось немало русских, приезжающих из Санкт-Петербурга и Москвы. Но гораздо больше здесь было татар, сибиряков, немцев, турок, китайцев, индийцев, персов, англичан, итальянцев, неаполитанцев, шведов и т.д. Попадались и американцы, так что тут можно было встретить торговцев почти из всех стран. На каждом шагу находились кофейни, рестораны и даже публичные дома. На ярмарке можно приобрести все, что только может пожелать самый требовательный и капризный путешественник. Длилась она шесть недель, а то и дольше, а готовились к ней по три месяца. Кроме прочего, в самом Макарье Фюзейе поразила и церковь, необыкновенно красивая и богатая⁴.

Часто мемуаристы упоминали и уездный Арзамас. Особенно красочно его описал Рюппель, поэтому приведем его рассказ об этом городе полностью:

«Мы достигли прекрасного города Арзамаса, который отличается великолепными церквями, зданиями и улицами. Так как мы приехали как раз в воскресенье, все население было на ногах. Несмотря на 14-градусный холод, перед своими домами сидели жены купцов в полном наряде, который был

действительно прекрасен; он состоял из малиновой бархатной кацавейки (Kasabaika) со складчатой оторочкой, лазурной шелковой юбки с золотыми цветами и так же расшитого золотом темно-синего платка на голове, а также красных или желтых сапожек. Среди них виднелись прелестные лица, как и среди мещанских девушек, но эти прекрасные черты искажали нанесенные на лицо и шею белила, и размером с талер раскрашенные красным цветом щеки, что придавало голове вид нюрнбергской куклы. Кроме того, городские женщины тинктурой придавали своим зубам блестяще-черный цвет, что выглядело действительно отвратительно.

Так как здесь, как и во всех русских городах, торговля проходила в воскресенье, перед нами самым прекрасным образом предстало такое зрелище. На базаре и прилегающих к нему улицах стояли бесчисленные сани, на которых поселяне привезли свои товары; такой выбор продуктов и такая дешевизна не укладывались у нас в голове: мясо, масло, мед, пшено, бобовые, рыба, птица всякого рода, как гуси, утки и тетерева, все крепко замороженные и, возможно, продающиеся уже несколько недель, виделись здесь в изобилии, как и также крепко замороженные свиньи, которыми у домов было заставлено пол-улицы. Большой холод представляет здесь преимущество, потому что можно забивать их уже в начале зимы и хорошо сохранять, тем самым экономя много корма. В кабаках (Kabaken) или водочных лавках, любимом месте пребывания русского крестьянина, все проходило очень весело, и гармония с дисгармонией ярко чередовались друг с другом, т.е. поцелуи и удары кулаками: тут виднелось братское объятие, там протянутый кулак и зажатая в горсти, потрясаемая туда-сюда борода избиваемого противника; также несколько красавцев, не рассчитавших с нектаром, в каннибальском опьянении в не очень изящных позах валялись вокруг в глубоком снегу к радости любопытных мужиков. Среди различных песен, под балалайку или без, безостановочно кричали мальчики из пекарен:

«garetschi-kolatschi! garetschi-kolatschi!». Здесь же продавцы чая, которые носили обмотанный теплыми платками огромный чайник и пояс со стаканами, продавая большой стакан очень хорошего горячего чая за копейку – такова примерно картина русского воскресного рынка, который всегда открывается по окончании богослужения. Мы сделали здесь значительные покупки для наших различных маленьких артелей, также нам предоставили валенки и толстые русские крестьянские чулки. Прежде чем мы вернулись на наши квартиры, на беду пьяных крестьян приехал капитан-исправник и увидел драчунов и лежащих на земле баб; был немедленно вызван квартальный (Quartalnik), и мы как раз проходили там, когда сопровождающие два казака своими плетями (Pletten) их основательно колотили, приговаривая: «pascholl won! stupai swinia!». Все это происходило под смех толпы.

Мы видели здесь очень красивые санные экипажи, почти всегда с тремя идущими рядом лошадьми, из которых средняя в запряжке идет крупной рысью, в то время как обе других слева и справа поставлены только чтобы всегда брать короткий галоп: такие сани, покрытые прекрасной медвежьей шкурой и ведомые кучером в русском национальном костюме с малиновой меховой шапкой и красивой бородой, представляют внушительный вид».

Ведель прибыл в Арзамас 30 июля 1813 г. Город он назвал основательно построенным. У городских ворот офицеров в высшей степени поразил встретивший их часовой-ополченец – горбатый, длиннородый, большеголовый карлик. В руках он держал пику непомерной длины и с очень важным видом смерил взглядом пленных врагов отечества.

Шерон назвал Арзамас довольно красивым и приятным городком, но вскоре, после инцидента, который будет описан ниже, он покинул его. Местом его дальнейшего назначения стал уездный Семенов, по его словам, одинокий ужасный городок посреди еловых лесов и болот. Здесь имелось только

три-четыре дворянских дома, все остальные – купцов или крестьян⁵.

Почти всеми мемуаристами упоминаются русские морозы. Так, Пешке говорит о многих своих товарищах, замерзших насмерть, причем некоторые живые мечтали о том же, чтобы избавиться от мучений. Трупы замерзших приходилось оставлять у дороги на съедение диким зверям, так как крестьяне отказывались брать их для погребения. В декабре 1813 г. Бюттнер отметил, что в день их прибытия в Нижний Новгород температура опустилась до 34 градусов мороза по Реомюру (42,5 градуса по Цельсию). Спустя месяц Шерон в Семенове зафиксировал на своем термометре -33 R° ($-41,25\text{ C}^{\circ}$), птицы замерзали на лету⁶.

Сведений о гражданском губернаторе А.М. Руновском в мемуарах очень мало. Пешке в разговоре с одним господином из общества узнал, что местный губернатор был человеком очень честным. Шенк фон Винтерштедт, на пути домой остановившийся в Нижнем Новгороде, пишет, что проживавшие здесь во время плена офицеры сожалели о смерти недавно умершего губернатора, т.к. были довольны его обращением с ними. Через три дня после приезда ганноверец, по просьбе своих товарищей, отправился к вице-губернатору, чтобы узнать о времени отъезда. Тот удивился, что бывшие пленные еще здесь, и немедленно отдал приказ к их отправлению. Сопровождал партию русский полицейский офицер, который, по словам мемуариста, был совсем необразованным и часто выпрашивал у подопечных по нескольку копеек на выпивку.

Веземанн сообщил, что по прибытии в губернский город пленных осмотрели губернатор и комендант, и вскоре рубашки, ботинки и другие предметы одежды были распределены среди тех, кто в этом больше всего нуждался. Те, кто заранее сложил лучшую одежду в ранец и надел худшую, не ушел с пустыми руками. Шерон же, ожидавший отправки на родину, предвзято обвинял нового губернатора С.А. Быховца в затягивании отъезда. Тот якобы хотел, чтобы

освобожденные офицеры нанимали почтовых лошадей за свой счет, а не за положенный государственный⁷.

Пешке, проходивший через Арзамас, охарактеризовал местного городничего Д.А. Юрлова как «человека доброго». А вот по словам Шерона, арзамасский городничий испытывал ненависть ко всем французам и воспользовался первым же поводом для демонстрации этого. Через неделю после их прибытия, по жалобе местного жителя, он явился на квартиру с несколькими сопровождающими и начал оскорблять офицеров, двое из которых получили несколько ударов палками. Те же якобы молча снесли обиду, опасаясь, что их убьют или отправят в Сибирь. На пленных была подана жалоба губернатору, и тот распорядился отправить старшего французского офицера с десятью другими, наиболее виноватыми, в том числе мемуаристом, в уездный город Семенов. Эта высылка из Арзамаса была воспринята пленными с большим удовлетворением, как спасение. Однако отношение городничего к другим пленным заставляет усомниться в объективности Шерона.

Семеновский городничий И.Д. Дуров Шерону понравился. Француз назвал его веселым добрым малым, какого только можно пожелать, к тому же любящим хорошо поесть, если судить по его животу и широкому лицу⁸.

Отношения с местными жителями у пленных в целом были неплохие, очевидно, сказывалась незатронутость губернии войной. Русские дворяне охотно вступали в разговоры с пленными офицерами, делясь полезной информацией местного значения и новостями с театра боевых действий. Обыватели также редко проявляли открытую враждебность, а иногда и милосердно помогали проходящим пленным.

Пленные из проходящих партий жаловались на запрет входить в населенные пункты и ночевки под открытым небом, что особенно тяжело было в зимний период. Положение офицеров было несколько лучше, так как им иногда разрешали отлучаться в

поисках пищи, а то и просто на несколько часов, проведенных в тепле.

Пешке на пути к Нижнему Новгороду помимо сильных морозов, от которых помогал неплохой полушубок, жаловался на паразитов, которые, по его словам, были составной частью плена, и мечтал о паровой бане. Его партия подошла к берегу Оки, которая еще не замерзла, и переправилась на противоположный берег на большом судне, закрепленном тросами на линии переправы. Высадившись и получив строжайший запрет на вхождение в дома, пленные стали ждать своей дальнейшей участи. Пешке и его товарищ Рёдер, пользующиеся на правах офицеров относительной свободой передвижения, озаботились поисками водки, и им повезло. Какой-то добрый мещанин позвал их к себе и не только их накормил, но и другим пленным послал подкрепиться. Хозяин имел большие запасы водки, и, как только опустошалась одна бутылка, на столе тут же появлялась другая. Пешке признался, что никогда в жизни не пил столько спиртного. Вскоре к месту стоянки пленных из домов стали подходить жители и нести еду, одежду, теплые одеяла и деньги, так что пришлось их даже останавливать. Пешке был очень тронут такой заботой.

Берег Оки был заставлен многочисленными войсками, и хозяин объяснил, что скоро эти войска вместе с императором Александром войдут в Париж. Вскоре вернулся партионный офицер и объявил радостную весть, что дальше на восток пленные не пойдут и свернут на юг, в Пензенскую губернию. Эта новость была отмечена очередной бутылкой.

На попечении Пешке по выходе из Ярославля находилось 50 больных, в дороге прибавился еще 21, 35 из них умерли от истощения, ран, поноса и гангрены. Пешке потребовал оставить больных в местном лазарете и снабдить всех пленных теплой одеждой. Первое требование было выполнено, а второе власти проигнорировали.

Наутро, незадолго до отхода партии, к лагерю пришли многие горожане, и Пешке

разговорился со знающим немецкий язык господином. Тот в числе прочего сообщил о беспорядочном отступлении французов из Москвы, что россияне гонят французов с силой и напряжением, и решительно уверял, что пленные поляки вскоре будут отпущены на свободу.

Ведель рассказал, что в Лукоянове некий поп проэкзаменовал их на предмет христианской веры. Когда он установил, что немцы имеют неплохое понятие об Иисусе, Марии и Иосифе и собравшиеся у него люди узнали об этом, все были очень удивлены, поскольку Franzusky представлялись им людьми, ничего не знавшими о Боге и святых, и были хуже язычников. Благодаря успешно сданному экзамену пленные встретили любезный прием. Кроме того, в Лукоянове их посетил пленный французский генерал Готрэн, живший у одного помещика.

Веземанн писал, что городские жители часто одаривали нуждающихся пленных. В Нижнем их построили напротив большого дома, в окнах которого было видно множество дам. Те прислали пленным столько бумажных денег, что каждый получил по полрубля, а было их более 500 человек.

Фюзейе отмечал, что при его первом прибытии в Нижний Новгород жители встречали французов со злобой. А вот на обратном пути отношение к ним изменилось, теперь, если кто-то вдруг начинал бранить их, другой говорил ему: «Замолчи, теперь мы все друзья»⁹.

После арзамасского инцидента 11 французов, в том числе и Шерон, 14 сентября прибыли в Семенов. Жители здесь были приветливее, чем в других местах. Мемуарист жил в квартире с четырьмя другими офицерами, в том числе командиром. Неприятность заключалась в самостоятельной готовке пищи, и по их просьбе им был предоставлен французский солдат. Особенно им нравилась дешевизна продовольствия и обилие дичи. Заяц стоил 5 копеек, фазан – 20, так что на офицерское жалование (50 коп. в день для обер-офицеров, 1 руб. 50 коп. – для подполковника) можно было пи-

рывать ежедневно. В январе офицерам было выдано по 100 рублей на покупку теплой одежды, что позволило им заметно улучшить свое положение.

Шерон и его товарищи познакомились с городничим и другими представителями местного дворянства и часто бывали по приглашению в их домах. В мемуарах он подробно описал один из таких приемов. Сразу по прибытии, после взаимных приветствий, гостям подали кофе. Шерон, не зная о местном обычае переворачивать выпитую чашку вверх дном, познакомился с ним, вынужденно выпив вторую чашку. Затем принесли кубок с водкой, и каждый должен был по очереди пить из него, приветствуя сначала того, от кого получил кубок, а потом того, кому передавал его. Водку сменила полынная настойка, после чего сразу пригласили к столу. На обед был большой длинный пирог, начиненный огурцами, жареный цыпленок и пиво. Завершился обед французским вином и пуншем. После этого присутствующий городничий пригласил офицеров к себе, куда все поехали в колясках и дрожках.

При входе в дом всем предложили донское игристое вино и пунш, а потом состоялся ужин, включающий рагу с солеными грибами и огурцами, трапеза сопровождалась пивом, вином, водкой и настойками. Шерона задело, что никто не приветствовал их речами, хотя два дворянина говорили по-французски, и что гости должны были обслуживать себя сами. В завершение французов повезли в красивый загородный дом, где их ждали мадера, малиновое и смородиновое варенье, хороший арбуз и снова вина и пунш. И вновь хозяин дома, молодой человек 19-20 лет, знавший французский язык, не обратился к гостям с речью. Также их удивило отсутствие дамского общества. В свою квартиру офицеры вернулись уже к полуночи.

Курьезный конфликт произошел у одного пленного офицера, немного говорящего по-русски, с хозяином дома, в котором он поселился. Однажды они вместе выпивали,

и ликер настолько вскружил хозяину голову, что он упрекнул постояльца в том, что тот француз, и наговорил ему других глупостей. Закончилось тем, что они подрались. И с окрестными крестьянами, которые их оскорбляли, французским офицерам иногда приходилось драться, поэтому они предпочитали не ходить в одиночку. Также нередко были нападения крестьян на одиночных французских солдат, что заканчивалось избиением и ограблением. Те, зная об этом, обычно ходили по несколько человек и не боялись встретить крестьян, которые в таком случае их приветствовали и называли братьями.

В целом же крестьяне, по причине доверчивости и необразованности, чаще становились жертвами мошенничества или насмешек со стороны французских солдат.

Так, например, многие солдаты занимались гаданием на картах, и для них не составляло труда обмануть крестьян и главным образом крестьянок. Один солдат, по имени Максим, пользовался такой большой популярностью, что к нему приходили за 30-40 верст. Однажды, желая лучше питаться, он «предсказал» своему хозяину, что его корова умрет через три месяца. Тому пришлось ее зарезать, и этот солдат начал есть мясо каждый день. В другой раз два солдата встретили в лесу корову и привязали ее к дереву. Крестьянин, который разыскивал свою корову, встретил их и просил погадать ему на картах о своей пропаже. Один солдат пошел за коровой, другой предсказал крестьянину, что через четверть часа она будет обнаружена. Действительно, та вскоре пришла, и удивленный крестьянин дал солдату то, что он просил.

«Работу» оплачивали обычно яйцами или другими продуктами, иногда небольшим количеством денег. За день один солдат заработал за свое искусство сто двадцать яиц. Трудность состояла в том, чтобы хорошо говорить по-русски, так как затруднительно было объяснить то, о чем спрашивали; тогда простодушный крестьянин сам приходил на помощь, говоря: «не сомнева-

юсь, ты хочешь сказать так-то?»; «да», – отвечал солдат, и крестьянин верил, что имеет дело с колдуном.

Также крестьяне задавали французским солдатам тысячи глупых вопросов, например, есть ли во Франции солнце. Один солдат, которого спросили, действительно ли Наполеон имеет три глаза, ответил, что третий глаз находится между лопаток, так что император может видеть за сорок верст позади себя. Крестьяне смотрели на него с испугом и обсуждали это между собой, что бесконечно развлекало солдат и подвигало их на новые выдумки¹⁰.

Описания быта и занятий жителей сельской местности иногда разнятся между собой, хотя мемуаристы в основном проходили через одни и те же деревни. Так, например, Пешке сообщил, что здесь нигде не слышали об унавоживании земли, потому что почва и так была очень урожайна. Европейцы совсем не удивлялись, не встречая нигде картофеля, видимо, земля была слишком жирная. Зато тут росла красивая маленькая круглая свекла, необыкновенно вкусная, как вареная и печеная, так даже и сырая. Плодов, растущих сами по себе, там совсем не знали, даже диких яблонь увидеть нигде было нельзя.

Все поселения, встреченные за Нижним Новгородом, были большие, с просторными домами. Крестьяне-мордвины были очень трудолюбивыми, но склонными к воровству. К даче официальной присяги их ничем нельзя склонить; когда это было необходимо, они клали в рот комочки соли, шепча: «Чтобы до конца жизни этого не имел, если правду не скажу». Питались они кониной.

Рюппель писал, что комнаты в русских крестьянских домах, где они останавливались, были чистыми, хотя комнат никто не подметал, а состоящий из толстых досок пол скоблили острым железом. Кухонные принадлежности висели у большой печи, это были преимущественно железные горшки, которые с помощью ухвата помещаются в глубокую печь, и сковороды для жарки рыбы, яиц и пирогов (Pirogen), то есть фаршированной выпечки.

Основным занятием русских было земледелие, в первую очередь хлеборобство. Вообще, по словам мемуариста, простой русский всегда судил о местности только по качеству хлеба и, чтобы с ним согласились, говорил: «там chorosch chleb!».

Взглядам проезжающих мимо русских деревень пленных иногда представляли приятные моменты, когда из тридцатиградусного жара бань выбегали крестьянские девушки, красные, как раки, несколько раз перекувыркивались в снегу и спешили обратно в баню. Это была прекрасная возможность полюбоваться красивыми крепкими формами, зрелищем, из-за которого пленным позавидовали бы и немецкие дэнди. Характерно, отмечает Рюппель, что русские, большие ревнители традиций, не видели в этом ничего экстравагантного и тем более – сами эти крестьяночки, которые в повседневной жизни были очень скромного нрава.

Грязнее остальных были дома чувашей, так как в жилище находились коровник и свинарник. Вся чувашская семья спала на печи, а пленные довольствовались тростниковой подстилкой на полу, который состоял не из досок, а из узких округлых расположенных в дюйме друг от друга реек, так что туда попадали все нечистоты из хлева. Это в большом количестве производило паразитов, и мало того, что ночью носам и ушам доставались запахи и хрюканье свиней, так даже под скамьями в комнате были закреплены клетки, где маленькие поросята и домашняя птица уютно сидели вместе. Ночуя в таких домах, мемуарист не мог дожидаться утра. А в некоторых деревнях сильно страдали от дыма, потому что дымовых труб в избах не было. Дым густой завесой опускался почти до пола и выходил в открытую дверь. Но была в этом и своя особенность, так как пленные снимали свою одежду и клали ее в печь, чтобы уничтожить находящихся там паразитов – мера, которая помогала, к сожалению, только на короткое время.

Крестьянские костюмы были самых разнообразных цветов и покроя, особенно у женщин. Головным убором являлся жесткий

треугольный платок, которому, в зависимости от способа повязки, можно придать различную форму. В Нижегородской губернии был распространен повернутый вверх полумесяц, что выглядело как два коровьих рога. Живописнее всех вестфальцу показался женский костюм мордвинков: платье из белого полотна, облегающее, с застежками впереди, а каждый шов богато украшен алой тесьмой, красивая красная шапка, волосы свисали двумя длинными косами, у ушей белое перо; у более состоятельных на груди висело множество желтых металлических дисков, похожих на золотые монеты.

Белэ так описывал народы, попадающиеся ему по пути из Нижнего Новгорода в Казань. Татары исповедуют религию Магомета; богатые татары берут себе в жены столько женщин, сколько в состоянии прокормить. С ними обходятся как с рабынями; обычно они даже не имеют права есть вместе со своим господином и повелителем. Самые состоятельные из них украшают головные уборы четырьмя большими рублями и множеством мелких серебряных монет. Целый каскад из этих же монеток спускается с правого плеча под левую руку. После пробуждения и перед приемом пищи татары совершают омовения, предписанные Кораном. Они намного более изысканны, чем русские. У них смуглая кожа, раскосые глаза, выступающие скулы, редкие бороды; они бреют головы.

Черемисы по большей части занимаются рыбной ловлей, охотой или разведением животных. Женщины носят широкие штаны, а поверх просторные халаты, на которых, как правило, изображено их божество – Солнце. На плечи они накидывают капюшон, которым при необходимости закрывают голову. Их длинные, черные как смоль волосы, переплетенные тесьмой, красными льняными помпонами и медными украшениями, доходят до пят. Уши они украшают большими латунными кольцами. Во время восхода и захода солнца черемисы бросают работу, выходят из своих жилищ, чтобы громкими криками и низкими поклонами

приветствовать дневное светило. Уважая свои варварские обычаи, черемисы кое в чем следовали греческой религии, приправив ее элементами ислама и шаманизма.

Чуваши занимаются в основном земледелием. На стенах их хижин обычно висит изображение Христа, но в религиозные обряды они тоже примешивают элементы языческих ритуалов. Они ведут еще более нищенское существование, чем черемисы.

Что касается мордвы, то это очень красивый народ. Мужчины и женщины в большинстве своем стройны и хорошо сложены. Они заключают браки только между собой, и, что весьма оригинально, это происходит только после похищения невесты. Родители, считающие, что с ними во всем должны советоваться, осуществляют строгий надзор за своими дочерьми; осторожность заставляет их привешивать колокольчик к пояснице своих наследниц.

Фюзейе же коротко написал, что Нижегородская – одна из самых плодоносных и богатых губерний в России. Здесь выращивают просо, горох, рожь, в большом количестве гречиху и в меньшем – пшеницу¹¹.

Больше всего разнообразной информации о русском населении Нижегородской губернии оставил проживавший здесь, в том числе 10 месяцев в уездном Семенове, французский капитан А. де Шерон. Однако, как уже упоминалось, его записи носят предвзятый характер, поэтому наиболее одиозные его высказывания мы оставим на его совести и не будем здесь повторять. Другие его выдумки, скорее анекдотичные, наоборот, отметим, чтобы показать, как мало он на самом деле узнал о России за два года.

По его мнению, русское общество состоит из трех классов: господ или дворян, купцов и народа, который в свою очередь делится на свободных и рабов.

Каждый из этих классов крайне высокомерен и требует от тех, кто ниже его, большого почтения и уважения. Так, например, солдат, когда замечает издали своего офицера, снимает свой головной убор, схо-

дит на обочину дороги, соединяет каблуки и остается в таком положении, пока офицер не пройдет мимо. Офицеры, находящиеся в Семенове, справедливость в отношении солдат определяли по следующему принципу: кто первый прибыл с жалобой, тот и прав. Солдата, пришедшего последним, не слушая его доказательств, спрашивали, почему он не пришел первый, и наказывали ударами трости.

Свободные крестьяне здороваются, снимая шляпу. Крепостные приветствуют своего господина, сгибая тело до земли и целуя ему руку. Когда они получают от хозяина плевков, удар кулаком, порку крапивой или розгами, они могут хвалиться, что находятся в милости.

Господа имеют право продавать своих крестьян, даже целыми деревнями. Мужчина хорошего сложения стоит тысячу рублей, иногда даже до трех тысяч, а женщина – три сотни. Далее цена может увеличиваться вследствие индивидуальных талантов.

Имеются крепостные, которые с разрешения своего господина занимаются торговлей и покупают впоследствии свою свободу. Однажды ставший крайне богатым крепостной предложил своему хозяину выкуп в 500000 рублей, но тот отказал, полагая, что получит с него больше в виде податей. У каждого хозяина есть свой сапожник, свой парикмахер, свой портной, свой столяр, свой оружейник и все они стоят ему только пищи, состоящей из черного хлеба и кваса, изредка чего-то еще. Наиболее богатые имеют по четыре-пять слуг, которые используются для того, чтобы одевать своего господина. Один одевает обувь, другой – брюки, третий держит зеркало, еще один одевает ему галстук, и это заходит так далеко, что даже если какой-то предмет лежит под рукой, хозяин сам не возьмет его.

Дворяне в целом образованны, говорят на нескольких языках, учтивы и кажутся услужливыми. Когда приходят в общество, приветствие состоит в том, чтобы целовать руки дамам, которые вам их протягивают, а сами целуют вас в щеку. Господа друг дру-

га обнимают, дамы также. Редко увидишь, как русские предлагают руку дамам на прогулке. Мужчины отдельно разговаривают между собой, а женщины – отдельно. Знатная женщина часто водит с собой служанку, которая идет в трех шагах позади и следит за всеми ее движениями. Мужчины также водят с собой слугу. Слуги часто подслушивают у дверей, но на это не обращают внимания, каким бы ни был разговор.

Русские малочувствительны к оскорблениям. Можно слышать, как дворяне называют друг друга ворами, разбойниками, и не считают это за оскорбление. Дуэли используются редко, хотя ссорятся много, говоря друг другу одно злее другого, но затем мирятся. Однажды два офицера пришли к молодому барону, чтобы выяснить с ним отношения; тот, раздраженный, отвел их в свой кабинет и предложил сразиться на саблях или пистолетах; они отказались. Тогда молодой человек позвал слуг и приказал им бить тех кнутом. Став мягче, офицеры показали ему руку и отправились восвояси.

Дома дворян, хотя и деревянные, но построены довольно мило. Немного домов каменных. Особый способ отличить дом дворянина от купеческого, хотя часто последний бывает красивее, заключается в том, что ворота у дома дворян в любой день постоянно широко открыты, а у купцов закрыты.

Имеются религии многих видов. Главной является православная греческая, которая отличается от католической по многим пунктам. Крестное знамение делается справа налево, одни крестятся двумя пальцами, другие тремя. Самое значительное то, что все эти религии признаются другими и никогда не вызывают никаких споров друг с другом. Крестьяне крестятся каждую минуту. Это средство ото всего. Молитвы произносятся на родном языке. В году существует четыре периода, когда постятся и питаются только огурцами, грибами и просом, сваренным в воде. Это длится иногда шесть недель. Французы опасались этих постов, так как не могли в это время купить яйца,

молоко, масло. Во время поста также нельзя сочетаться браком.

Попы или священники могут жениться, но только один раз. Простой народ, который вообще религиозен, мало уважает этих священников: причина заключается в том, что большая их часть пьет и напивается допьяна вместе с ними.

Учителя также невысокого положения, в общественном мнении они приравнены к слугам. Когда молодой господин не хочет трудиться, ему говорят: ты станешь учителем. Когда у камердинера или у повара нет больше работы, он также оказывается учителем. Многие пленные французские и союзные офицеры поступили в дома как учителя; но большая часть была вынуждена покинуть их, потому что их смешали со слугами.

Русский крестьянин обычно хорошо сложен, плечист, силен, но тяжел в своих движениях. Он привычен к лишениям. Длинная борода придает ему суровый и дикий вид, у него резкие черты лица. Он скорее добр, чем зол, спорит много, но ненапористо, подозрителен, религиозен, фанатичен и суеверен. Русские вообще гостеприимны, принимая путешественника, кормят его и укладывают спать без какой-либо платы.

Основное занятие крестьян – земледелие. Земля крайне легка, и ее легко обрабатывать. Достаточно одной лошади с маленьким плугом. Крестьянин остается в полях целыми неделями, не возвращаясь домой, берет с собой продовольствие и располагается биваком с лошадьми до тех пор, пока его труд не закончен. Выращивают рожь, которая в некоторых местах достигает чрезвычайной высоты, коноплю, просо, гречиху, ячмень, овес, лен в небольшом количестве. Плоды и овощи – яблоки, лесные орехи, смородина, малина, огурцы, грибы разных видов, арбузы, морковь, редис, репа, картофель, капуста и т.д. Мясо крестьяне едят немного, за исключением праздничных дней. Совсем не едят зайцев, которых называют дикими собаками, и голубей. За лучшими столами едят ржаной хлеб, и у дворян обычно он столь же черен, как у крестьян, они

говорят, что это вкусно. Основным напитком является квас, который приятно пить, он очень освежает. Делают его из муки, добавляя немного хмеля и другие ароматные растения.

В лесах на стволах устраивают три-четыре улья для меда, пчелы летят туда сами. Для этого вырубает середину ствола и закрывают доской, оставляя маленькое отверстие, чтобы выгонять пчел. Под ульем к дереву пристраивают что-то вроде широкого стола с подпорками, чтобы помешать зверям туда забираться.

Крестьянин искусен во всем, за что берется, и делает все, имея в качестве универсального инструмента только топор. Крестьяне считают при помощи особой коробки, содержащей десять рядов нанизанных на стержни шариков, которые они передвигают туда-сюда. Этот способ очень изобретательный и быстрый.

Одежда мужчин состоит из брюк под длинной рубашкой, которая достигает колен и подпоясывается сверху; зимой добавляется шуба из овчины. Они оборачивают свои ступни и ноги лоскутами материи, а поверх надевают башмаки, сделанные из коры дерева. Одежда и обувь крестьянок почти такая же, рукава рубашек пышные, цветные нижние юбки и платки на голове. Большая часть женщин работает в полях, имея только рубашку, поддерживаемую поясом или чаще веревкой. В воскресном костюме красный, белый, зеленый, желтый и голубой цвета часто соединены на одном человеке. Женщины любят яркие цвета, много гримируются, раскрашивая лица белым и красным. Девушек легко отличить от замужних женщин по длинным волосам, заплетенными в косы и украшенным цветными лентами.

У богатых женщин обычно на голове платок, который спускается до груди, весь украшенный золотом, подбитая мехом короткая куртка, поддерживаемая лямками, повязанными выше горла так, что все прикрывает. В России женщины больше заботятся о том, чтобы скрыть, чем во Франции о том, чтобы показать себя.

Ничего нет столь приятного, как народные танцы – топот ног, пронзительные крики, гримасы, обезьяньи ужимки, необычные движения бедер и хлопки рук; все это в такт друг другу. Можно увидеть дюжину девушек, танцующих вокруг одного парня и повторяющих любые его жесты.

Они имеют хороший слух, но их пение похоже на пение дикарей. Они вытягивают только крайне высокие звуки и поют всегда на такой высоте.

Дома крестьян построены из дерева, иногда даже без единого гвоздя и вообще железных частей. Двери настолько низки, что надо полностью согнуться, чтобы войти. Главная комната маленькая, невысокая, окружена скамьями, которые прикреплены к стенам. Печь огромная, занимает по крайней мере четверть комнаты, и дает такой дым, что его невозможно выдержать стоя. Ночью на печи беспорядочно спят все члены семьи, обычно полностью одетые, не имея под собой никакой подстилки. Под печью находится курятник. Вместо окон имеются дыры, проделанные в стене и закрываемые посредством досок на петлях. Для освещения используют лучину из расщепленной очень сухой ели, которая быстро сгорает и дает много света. Уголь там неизвестен. У каждого дома имеется двор, окруженный сараями, которые служат помещениями для скота. В некоторых деревнях можно встретить дома крестьян, чище и лучше построенные, чем дворянские. У них есть камин в печи и оконные рамы.

В России принимают много паровых ванн, это одна из традиций. У каждого жителя, богатого или бедного, для этого имеется маленький домик с одной или двумя комнатами, для переодевания и для мытья. Последнюю сильно нагревают, голыми закрываются внутри и брызгают воду на печь, что дает душный пар; затем обливаются горячей и холодной водой и трут тело специальными мочалками, корча гримасы и испуская крики. Затем лежат на полке, чтобы попотеть в свое удовольствие. Хорошо помывшись, часто выходят валяться в снегу. Женщины и

мужчины очень любят эти бани и ходят туда вместе. Летом купаются в водоемах, плавают, копируя движения собак. Женщины несколько не боятся купаться на виду у мужчин, без всякой предосторожности.

Редко можно увидеть девушек и парней вместе. Молодые люди не знают, как заниматься ухаживанием. Каждое воскресенье девушки в наиболее красивых нарядах садятся вместе на свой порог и остаются так до вечера. Парни собираются и гуляют перед ними группами. Если во время прогулки парень увидел девушку, которая ему подходит и на которой он хотел бы жениться, он просит ее руки, и в следующее воскресенье происходит свадьба. У девушек нет возможности выбора, часто господин их сочетает браком по своему желанию, и молодые женятся, не зная друг друга.

Выходя замуж, девушка приносит мужу приданое, дворянину дают некоторое количество крестьян, принадлежавших отцу невесты. Затем она больше не имеет права на наследство своих родителей, которое делится между сыновьями. Если дочь не сочетается браком, то имеет право на двадцатую часть наследства.

Женщины вообще несчастны в России, они, образно говоря, рабыни своего мужа и находятся в его абсолютной власти, которой мужчины часто злоупотребляют. Так, самая красивая здесь женщина уже шесть месяцев заключена в своем доме, не видя никого, кроме мужа, чья ревность чрезвычайна. Другая не может сказать ни слова, не спросив разрешения мужа. Невыносимая ревность мужей распространяется и на крестьян, мужья имеют полную власть, часто доходящую до побоев. Женщины должны опасаться не только мужа, но и его братьев; несчастными их могут сделать и родители мужа.

В большие праздники и рыночные дни, воскресенье и четверг, крестьяне предаются пьянству, тогда за бутылку водки они способны на все. Они ссорятся, поют, а после сна на печи начинают все сначала. Сделки заключаются также в кабаках. Однажды

французы стали свидетелями комического обмена между двумя крестьянами. У одного была старая лошадь, у другого – пятилетняя; они обменялись лошадьми за двенадцать пятаков, после чего немедленно пропили эти деньги.

Крестьянин выходит из кабака, только когда у него больше нет средств. Тогда на улице можно увидеть спящими по крайней мере пять-шесть мертвецки пьяных. Таких стараются поднять, потому что они могут умереть от холода.

Пьянство случается и среди дворян.

За преступления полагается несколько видов наказаний. Кнут, битье палками, оковы на ногах и на шее в тюрьме. Кнут наиболее жесток из всех. Как говорят, одного удара достаточно, чтобы убить человека; но палач умеет настолько рассчитать удар, что некоторые часто получают сотню и более ударов, не погибая. Затем преступнику вырывают часть ноздрей и ушей; его отмечают в некоторых других местах и затем отправляют в Сибирь, где используют на пожизненных работах в шахтах. Ему невозможно убежать, да и, впрочем, он везде будет узан. Это наказание накладывается на тех, кто совершает тяжелые преступления, подделывает деньги или ворует. Регулярно, каждый день, эти преступники получают двенадцать ударов хлыстом, по четыре утром, днем и вечером. Дворяне также подвержены таким наказаниям, но перед этим их лишают дворянства¹².

В целом мемуарные источники являются хорошим дополнением для архивных источников и в целом не противоречат им и друг другу в основных вопросах. Поведение самих пленных во многом определяло отношение к ним со стороны администрации и обывателей. Свою роль в этих отношениях сыграл и многонациональный состав как наполеоновской армии, так и жителей Среднего Поволжья, разница – в культурном, религиозном и образовательном уровне людей, волею судеб оказавшихся рядом в это богатое на события время.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Нижегородской губернии в 1812-1814 гг. // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях. Малоярославец. 2006. С. 190-209.
- ² Aubry T.J. Souvenirs du 12-e chasseurs. Paris, 1889; Peszke S. Mój pobyt w niewoli rosyjskiej w r. 1812. Warszawa, 1913; Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912; Schenck von Winterstedt C.C.L. Mittheilungen aus dem Leben... Celle, 1829; Wedel C.A. Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Russland 1812. Berlin, 1897; Kanonier des Kaisers. Kriegstagebuch des Heinrich Wesemann. Köln, 1971; Beulay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Paris, 1907; Fuzellier D. Journal de captivité en Russie. 1813-1814. Boulogne, 1991; Schenck von Winterstedt C.Ch.L. Mittheilungen aus dem Leben... Celle, 1829; Bütner. Beschreibung der Schicksale und Leiden desehemaligen Korporals Bütner ... während seiner 19-Monatlichen Gefangenschaft in Rußland, in den Jahren 1812 und 1813. Nürnberg, 1828; Cheron A. Mémoires inédits sur la campagne de Russie. Paris, 2001; Белэ О. Воспоминания гренадера Великой армии // Военнопленные армии Наполеона в России. 1806-1814. Мемуары. Исследования. СПб., 2012. С. 225-340; Ведель К. История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену... // Там же. С. 429-508; Фюзейе Д. Дневник русского плена 1813-1814 гг. // Лепта. 1992. № 3. Еще несколько мемуаристов проезжало через Нижегородскую губернию, фиксируя это в своих воспоминаниях, но не оставляя каких-либо заслуживающих внимания подробностей. Такие мемуары мы не будем здесь упоминать.
- ³ Peszke. Op. cit. S. 29-30, 32; Schenck von Winterstedt. Op. cit. S. 138; Cheron. Op. cit. P. 37, 39-40; Beulay. Op. cit. P. 118-119; Fuzellier. Op. cit. P. 156; Bütner. Op. cit. S. 64-65; Ведель. Указ. соч. С. 472-473.
- ⁴ Peszke. Op. cit. S. 28; Rüppel. Op. cit. S. 131-132; Beulay. Op. cit. P. 119; Fuzellier. Op. cit. P. 195-196; Ведель. Указ. соч. С. 474.
- ⁵ Rüppel. Op. cit. S. 132-134; Ведель. Указ. соч. С. 473; Cheron. Op. cit. P. 37, 39.
- ⁶ Peszke. Op. cit. S. 29; Bütner. Op. cit. S. 57; Cheron. Op. cit. P. 38.
- ⁷ Peszke. S. Op. cit. S. 32; Schenck von Winterstedt. Op. cit. S. 138-139; Wesemann. Op. cit. S. 92; Cheron. Op. cit. P. 40.
- ⁸ Peszke. S. Op. cit. S. 33; Cheron A. Op. cit. P. 37, 53. В действительности причина описанного конфликта заключалась в следующем. Некоторые прибывшие в Арзамас пленные, несмотря на выделяемые им деньги, промышляли воровством, выкапывая в ночное время из обывательских огородов картофель, морковь и другие овощи. При приготовлении пищи ими нарушались правила обращения с огнем. После нескольких жалоб арзамасский городничий дважды делал нарушителям спокойствия замечания, однако это мало подействовало. 23 августа к городничему пришел отставной солдат Семен Галанин, жалуясь, что трое квартирующих у него обер-офицеров в пьяном виде вломались в комнату его квартирантки Натальи Распопиной, «намереваясь сделать ей гнусный поступок». Когда Галанин встал на ее защиту, один из офицеров схватил его за горло и вытолкнул вон. Пьянство продолжилось с десятком офицеров, пришедших из других квартир. Приведя с собой квартального надзирателя и унтер-офицера инвалидной команды, городничий потребовал от квартирантов удалиться, но они отказались подчиниться, ругались «матерными французского диалекта словами» и даже ударили квартального надзирателя. О происшествии было доложено губернатору, и тот предписал отправить наиболее буйных офицеров в уездный город Семенов, а остальным объявить предписание Главнокомандующего в Санкт-Петербурге о суждении военнопленных за преступления по российским законам. В случае повторных происшествий зачинщиков предписывалось брать под стражу и высылать в Нижний Новгород для предания военному суду. Вскоре из Арзамаса в Семенов выехали подполковник Детон и 10 обер-офицеров (Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2. Оп. 6. Д. 41. Л. 121-122об., 127, 143-144об.).
- ⁹ Peszke. Op. cit. S. 29-32; Wesemann. Op. cit. S. 92-93; Fuzellier. Op. cit. P. 196-197; Ведель. Указ. соч. С. 473.
- ¹⁰ Cheron. Op. cit. P. 37-39, 53-54, 63-66.
- ¹¹ Peszke. Op. cit. S. 30, 33; Rüppel. Op. cit. S. 129-132, 135-136; Beulay. Op. cit. P. 119-122; Fuzellier. Op. cit. P. 156.
- ¹² Cheron. Op. cit. P. 53-67, 70.

**NIZNIY NOVGOROD PROVINCE IN THE 1812–1814 IN THE MEMOIRS
OF THE WAR PRISONERS FROM NAPOLEON’S GREAT ARMY**

© 2019 A.I. Popov^{1,2}, S.N. Khomchenko³

¹Volga Branch of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara

²Samara State University of Social Sciences and Education

³State Borodino Military-Historical Reserve Museum, Borodino

The article is based on the archival sources and memories. The authors reconstruct the real status of the war prisoners from Napoleon’s Great Army in Nizniy Novgorod province, as well as the attitude of the provincial government and local population towards war prisoners.

Keywords: Patriotic War of 1812, Nizhny Novgorod province memoirs, legislation on prisoners of war, prisoners of war, local authorities, local population.

Andrei Popov, Doctor of History, Leading Research Fellow, Volga Branch of the Institute of Russian History of the RAS; Professor, Department of World History and Archaeology, Samara State University of Social Sciences and Education.

E-mail: buonaparte9@yandex.ru

Sergey Khomchenko, Candidate of History, Senior Researcher. E-mail: sergey-1812@mail.ru